

Ю. В. ГРИБОВСКИЙ (Республика Беларусь)

БЕЛОРУСЫ СРЕДИ ПОЛЬСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ГЕРМАНИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЬСКИХ АРХИВОВ)

В современной белорусской историографии многие вопросы, связанные с участием представителей белорусского народа во второй мировой войны, до сих пор остаются малоизвестными и практически неисследованными. К таким вопросам относится массовое участие жителей Беларуси в Польской армии в начальный период второй мировой войны. В этой статье речь пойдёт о судьбе польских военнослужащих белорусского происхождения, которые после поражения польского государства в сентябре 1939 г., оказались в германском плену. Для того чтобы проследить причины, по которым десятки тысяч белорусов накануне нападения Германии на Польшу попали в Польскую армию, необходимо обратиться к довоенному времени. Следует заметить, что довоенное польское государство являлось многонациональным, в котором представители национальных меньшинств составляли значительную часть жителей. В период 1921—1939 гг. в восточной части Польши компактно проживало около 2 млн. белорусского населения, мужская часть которого на основании польского законодательства проходили срочную службу в польских вооружённых силах. В период с марта по август 1939 г., согласно с оперативным планом «Запад» в ряды Польской армии было призвано свыше 1 млн. польских граждан, в том числе — 75—80 тыс. белорусов. Из числа резервистов белорусского происхождения были укомплектованы части 1-й, 9-й, 19-й, 20-й, 30-й и 38-й пехотных дивизий, ряда кавалерийских соединений и др.¹ Польские военнослужащие независимо от их национальности разделили участь польского государства. В результате поражения Польши в сентябрьской кампании 1939 г. в германский плен попало свыше 420 тыс. польских военнослужащих, в том числе — около 15 тыс. офицеров².

Первоначально, эти военнопленные содержались во временных лагерях (Dulag), после чего в зависимости от воинского звания они направлялись: офицеры — в офицерские (Oflag), солдаты и унтер-офицеры — в стационарные лагеря военнопленных для рядового состава (Stalag). Лагеря военнопленных наименовались в зависимости от округа Вермахта, на территории которого они располагались. Всего в Третьем Рейхе насчитывалась 21 округа. Польские военнопленные содержались в лагерях независимо от национального происхождения, поэтому белорусы размещались по разным лагерям. Присутствие белорусов среди польских военнопленных было отмечено в 38 шталагах и 9 офлагах, которые размещались на территории всех военных округ Вермахта за исключением — округа XII³. Согласно с советско-немецкими договоренностями, в период с 24 октября по 23 ноября 1939 г. происходил обмен польскими военнопленными. В качестве подготовки к обмену германская сторона сконцентрировала в Минске-Мозоветском военнопленных-уроженцев восточной территории довоенной Польши, которая входила в сферу влияния Советского Союза. За вышеуказанный срок на обменных пунктах в Бресте и Ягодине (Украина) немцы передали на советскую сторону 13757 польских военнопленных белорусского и украинского происхождения. Однако в начале октября 1939 г. Управления по делам военнопленных Вермахта выяснило, что в лагерях в Германии среди польских военнопленных находится ещё не менее 20 тысяч белорусов и 30 тысяч украинцев⁴. Определение национального происхождения польских военнопленных осуществлялось на основании личных документов, а также показаний на допросах самих пленных. В отсутствии документальных подтверждений часто сотрудники Управления по делам военнопленных прибегали к принуждению военнопленных читать молитвы на родном языке, что бы они, таким образом, засвидетельствовали свою национальность⁵. Следует отметить, что богослужения в католических храмах в довоенной Польше среди белорусов проводились на польском языке. Кроме того, большинство белорусов римско-католического вероисповедания, а также часть православных, в значительной степени были подвергнуты полонизации и сознательно

считали себя поляками. В связи с этим есть все основания считать, что вышеупомянутая цифра белорусов среди военнопленных, определенная немецкой стороной, является заниженной. Немецкая сторона, неоднократно, как на правительственном уровне (нота Министерства иностранных дел Германии к Народному комиссариату иностранных дел СССР от 8 марта 1940 г.; меморандум советскому правительству от 27 августа 1940 г.), так и через международные организации (обращение к Немецкому красному кресту от 7 ноября 1940 г.), выражала свою готовность к освобождению и передаче вышеупомянутых военнопленных советской стороне. Первоначально, немцы планировали при получении согласия советского руководства принять военнопленных, начать эту передачу в апреле 1940 г.⁶ С этой целью выявленные военнопленные белорусы и украинцы были сконцентрированы в отдельных лагерях или бараках. Например, большинство военнопленных-белорусов было сосредоточено в офлаге ПА, шталагах — IА, IВ, IВ, которые располагались поближе к советской границе. При этом из числа военнопленных белорусов и украинцев здесь формировались т. н. *Minderheitskompanie* (роты национальных меньшинств)⁷. Мероприятия по подготовке к выезду в СССР по-разному были восприняты военнопленными-белорусами. Например, одни были рады возвращению к своим семьям, другие — настороженно воспринимали то, что сейчас их родина находится в составе Советского Союза. Однако обмен так и не состоялся. 8 августа 1940 г. Народный комиссариат иностранных дел заявил, что СССР не собирается принимать этих людей к себе, объясняя это тем, что вышеупомянутые лица не находились на территории Советского Союза на момент принятия Закона (Декрета) о гражданстве СССР от 29 ноября 1939 г. Немецкая сторона предпринимала попытки подтолкнуть советское правительство к принятию военнопленных, что выявилося в организации сбора у пленных прошений с просьбами о принятии в советское гражданство и передаче их в советское посольство в Берлине. Несколько тысяч таких прошений было направлено в советское посольство в Берлине. Например, такие случаи были замечены ещё в ноябре 1940 г. в офлагах IВ и XV. Правда, в последнем случае сбор прошений был сорван

консервативно настроенными польскими офицерами, которые враждебно относились к СССР⁸. Некоторые военнопленные-белорусы лично посещали советское посольство и улаживали дела о приобретении гражданства СССР. Процедура рассмотрения отдельных прошений требовала решения многочисленных бюрократических моментов. Например, каждый военнопленный-белорус, пожелавший возвратиться в СССР, должен был получить с органа власти по месту своего постоянного жительства до войны справку в том, что он действительно является жителем этого региона, а также свидетельство местных жителей о его непричастности в довоенный период к антисоветскому движению⁹. Однако советская сторона оставалась непоколебима. 12 февраля 1941 г. посол Германии в Москве Шуленбург в письме к Министерству иностранных дел отмечал, что дальнейшие переговоры с советской стороной по вопросу передачи польских военнопленных в СССР не имеют смысла. Только 6 июня 1941 г. советское посольство в Берлине согласилось рассматривать прошения, направленные непосредственно военнопленными, а не при посредничестве органов немецкого государства. Но этот шаг советской стороны был опоздалым, поскольку 22 июня Германия напала на СССР и вопрос польских военнопленных потерял всякую актуальность. Часть военнопленных-белорусов в ожидании долгого выезда в СССР решалась иногда на побег и самостоятельное возвращение на родину. Случаи коллективных побегов в 1940 г. польских военнопленных белорусского происхождения известны в шталагах IA, VI, XIII D, XVIII C XXI и др¹⁰.

Нахождение значительного количества польских военнопленных представляло трудности с их обслуживанием для Вермахта. Кроме того, в первой половине 1940 г. в лагеря начали поступать английские, бельгийские, нидерландские, норвежские военнопленные, что вынудило произвести разгрузку лагерей военнопленных. Весной 1940 г. Гитлер подписал Декрет о освобождении польских военнопленных и переводе их на положение гражданских иностранных рабочих и отправке в промышленность и сельское хозяйство Третьего Рейха. Это происходило путём принуждения военнопленных к подписанию трудовых контрак-

тов с отдельными предприятиями и лицами. С этого момента военнопленные лишались опеки со стороны Международного красного креста, за ними устанавливался контроль Гестапо. Только к концу апреля 1940 г. из лагерей было, таким образом, освобождено свыше 290 тысяч польских военнопленных. Белорусы подлежали освобождению первыми среди других этнических групп польских военнопленных¹¹. На протяжении 1940—1942 гг. из лагерей военнопленных отправлялись эшелоны с освобожденными польскими военнослужащими, которые направлялись на работу в промышленность и сельское хозяйство. На каждый эшелон составлялись т. н. транспортные списки, где указывались личные данные военнопленных, в том числе национальность, место и время взятия в плен, а также — куда направляется пленный. Данная регистрация показала низкий уровень национального самосознания у части военнопленных-белорусов. Так, в транспортных списках военнопленные белорусского происхождения фигурировали как — *weissrusse*, *weissruthene*, *wr*, *pole weissrusse*, *weiss russe*, *litauen weissrusse*. Последняя формулировка использовалась по отношению к уроженцам Виленского края, который в октябре 1940 г. вошёл в состав Литвы. Часто в документации военнопленных-белорусов в рубрике «национальность» отмечалось как «*ortodox*» (православный). В 144 случаях военнопленных-белорусов, освобожденных в 1940—1942 гг., национальность фигурировала как «*russe*». В ряде случаев национальность уроженцев Беларуси из шталага ХА обозначалась как «*pole (weissrusse)*». Значителен также процент белорусов, которые отбыли в это время из лагерей военнопленных как поляки¹². Чаще всего, военнопленные транспортировались в города и населенные пункты, которые находились рядом с лагерями. Например, в период с 30 июля по 4 августа 1941 г. шталаг IА Штаблак в Восточной Пруссии покинуло 464 белоруса, из них — 453 были направлены на промышленные объекты Кенигсберга. На первом месте по количеству освобожденных белорусов находился шталаг IА, откуда только 13 июля 1940 г. было освобождено 1010 военнопленных белорусского происхождения. Далее по числу освобожденных белорусов следовали следующие лагеря военнопленных: несколько

тысяч — шталаги IIА и IIВ; несколько сот — шталаги IIС, IVА, VВ, VС, VIД, VIIIВ, XVIIА, XА, XXIА, XXВ и т.д. Наименьшее количество белорусов было освобождено из шталагов VД, VЕ и XВ — по одному человеку, а также шталагов — XIIВ и XIIД в которых было отмечено по два военнопленных белорусов. Всего за период 1940—1942 гг. из 22 шталагов и 3 офлагов было освобождено около 20 тысяч польских военнопленных белорусов¹³. Однако точную цифру назвать невозможно по ряду причин. Так, некоторые военнопленные-белорусы на протяжении 1939—1943 гг. неоднократно перемещались из одного шталага в другой. Например, уроженец д. Турец Столбцовского уезда Б. Рогуля во время сентябрьской кампании 1939 г. был подхорунжим 42 пехотного полка в Белостоке. В плен попал 13 сентября в местечке Выгода и был направлен в шталаг IA. Уже 6 апреля 1940 г. он был переведен в шталаг VIF, а 15 июня того же года направлен в шталаг VIJ, из которого вскоре был переведен в шталаг XXIА, откуда бежал 30 июля 1940 г. Следственно этот человек фигурировал в списках военнопленных всех четырёх шталагов¹⁴. Следует отметить, что использование польских военнопленных на работах в гражданской сфере в Германии имело место и раньше весны 1940 г. Ещё в конце 1939 г. из военнопленных формировались рабочие команды, которые были задействованы на сельскохозяйственных работах вблизи лагерей военнопленных. Присутствие неполяков было замечено в следующих рабочих командах — №46, 7, 13, 22 и 92, где находилось 572 белоруса¹⁵.

Мероприятия по переводу военнопленных на положение гражданских рабочих вызвало среди белорусов неоднозначную реакцию. Например, одни были утомлены длительными условиями жизни в лагере и с радостью восприняли освобождение, другие — видели в этом явлении тревогу и нежелание немецкой стороны их отпускать домой. Были даже случаи, когда военнопленные-белорусы после отправки на предприятия в первые же дни бежали, откуда и возвращались в лагерь военнопленных, тем временем, как лагерная администрация уже не пускала их на территорию шталага¹⁶.

Большинство польских военнопленных белорусского проис-

хождения принадлежали в конфессиональном отношении к православным. Немецкая лагерная администрация не препятствовала проведению в шталагах и офлагах соответствующих богослужений. Первоначально в лагерях военнопленных отсутствовали православные копеланы. Но в марте 1941 г. в офлагах VIB и VIE богослужения проводили о. Новицкий и о. Рудик. Православный комитет в Берлине передал в ряд шталагов несколько молитвенников и другой церковной литературы. Кроме того, известно, что в шталаге IIА и офлаге IIC находилось около 100 военнопленных, которые принадлежали к православному вероисповеданию. В офлаге IIC действовали два православных прихода, которые находились в бараках 12А и 15А¹⁷.

Нахождение среди польских военнопленных значительного количества белорусов вызвало к ним внимание белорусской политической эмиграции в Германии и оккупированной ею стран. В частности, в докладной записке президента Белорусской народной республики (БНР) Василя Захарки от 20 февраля 1940 г. на имя политического референта Протектората Чехии и Моравии Коля содержалось предложение развернуть среди военнопленных белорусов культурно-просветительскую деятельность, провести их регистрацию, разрешить представителям белорусской эмиграции посещать лагеря польских военнопленных, где содержатся белорусы, а также сделать возможным распространять среди военнопленных газеты и другую литературу на белорусском языке. Президент БНР оценивал количество белорусов среди польских военнопленных в 30—35 тысяч чел¹⁸. Во многом немцы пошли на встречу предложениям белорусских эмигрантов, чтобы потом использовать их в своих политических целях. Например, еще с осени 1939 г. в Берлине начался выход газеты «Раніца», которая рассчитывалась именно на военнопленных и распространялась по лагерям военнопленных, где содержались белорусы. Тогда же в составе Министерства внутренних дел было создано Белорусское представительство, которое занималось регистрацией белорусов. По словам руководителей тогдашней белорусской эмиграции, к концу 1941 г. в Белорусском представительстве прошло регистрацию свыше 20 тысяч бывших польских военнопленных¹⁹. Эти люди

получали свидетельство о своём белорусском происхождении, которое становилось их удостоверением личности на время пребывания в Германии. В ноябре 1939 г. издательство «Wehrmacht» напечатало книгу Отто Лемона «Нямецкія салдаты», которая знакомила военнопленных-белорусов с немецкой армией. Следует отметить, что газета «Раніца» вызвала довольно большой интерес к себе со стороны военнопленных-белорусов, о чем свидетельствует массовая корреспонденция в редакцию. Эта газета печатала объявления немецких властей относительно положения военнопленных, новости белорусской эмиграции, материалы по истории и культуре Беларуси. Следует отметить, что редакция газеты открыто, пропагандировала антипольские взгляды, призывая военнопленных-белорусов не поддерживать связи с пленными поляками²⁰. В большинстве случаев газета стала возможностью наладить контакт с сослуживцами и друзьями из других лагерей военнопленных, а с лета 1941 г. — ещё и с родными в Беларуси, куда доходила «Раніца». Однако газета доходила далеко не во все лагеря военнопленных, где содержались белорусы, особенно это касалось рабочих команд. Неоднократно сотрудники редакции совершали выезды в лагеря военнопленных, где находилось значительное количество белорусов. Главной целью этих командировок была агитация среди соотечественников деятельности белорусской эмиграции, призыв пленных к активному сотрудничеству. Например, в 1940—1941 гг. представители редакции и сотрудники Белорусского представительства посетили шталагы VIIIВ, VIIА, XIV, а также офлаг IIIВ²¹. В последнем находилось свыше 10 офицеров-белорусов. Особое внимание белорусских эмигрантов отводилось поиску среди военнопленных-белорусов представителей интеллигенции, которых возможно было использовать в культурно-просветительской и агитационной деятельности. Например, газета громко писала о том, что среди военнопленных находился западно-белорусский поэт — Пётр Василек. Через белорусскую эмиграцию немецкая сторона склоняла военнопленных-белорусов идти на сотрудничество с властями. Например, во время освобождения военнопленных и перевода их на положение наемных рабочих, немцы прибегали к помощи белорусских эмигрантов.

В связи с этим для подписавших контракт с предприятиями был предусмотрен ряд льгот в социальной сфере — выдача карточек на питание, возможность снять квартиру и др. 8 марта 1940 г. белорусы, которые подписали условия рабочих контрактов, освобождались от обязательного ношения на одежде буквы «Р» (польский). С января 1941 г. военнопленные-белорусы освобождались от уплаты 15% ежемесячного налога на возрождение польских территорий, пострадавших во время военных действий. В связи с этими льготами стали частыми случаи, когда военнопленные польской национальности выдавали себя за белорусов. В конце 1940 г. была создана общественная организация Белорусский комитет самопомощи, куда вскоре вступило около 8 тысяч бывших польских военнопленных²². Белорусская политическая эмиграция рассматривала военнопленных-белорусов в качестве источника для пополнения своих сподвижников, поэтому осуществляла всяческую опеку над ними и использовала любую возможность распространить свою деятельность на этих людей, сосредоточив их вокруг общественных и благотворительных структур.

Кроме национально-культурной деятельности белорусской эмиграции среди польских военнопленных белорусского происхождения известны случаи, когда при помощи эмигрантов бывшие военнопленные использовались структурами Абвера и СС. Первые факты имели место ещё в 1940 г., когда Абверу удалось завербовать несколько белорусов из числа польских военнопленных²³. 1 мая 1941 г. в составе Абвера был сформирован диверсионный отряд «Лямсдорф», состоявший из польских военнопленных белорусского происхождения, в том числе — 1 поручика и 2 подхорунжих. 18 июня 1941 г. несколько членов этого отряда были заброшены на советскую территорию для проведения диверсии на железной дороге²⁴. В 1943 г. из числа бывших польских военнопленных был создан батальон численностью 1000 чел., который был послан в Италию. В 1944—1945 гг. среди бывших военнопленных-белорусов вербовку осуществлял агент Абвера Юрий Вежан, который отбирал в свой диверсионный отряд людей хорошо знающих польский язык для заброски в 2-й Польский корпус ген. Андерса, действовавший на итальянском

фронте²⁵. Последняя попытка использования бывших польских военнопленных в антисоветских вооруженных формированиях состоялась уже в январе—марте 1945 г., когда на территории Германии деятели Белорусской центральной рады (БЦР) проводили формирование белорусского легиона СС. Согласно с расчётами деятелей БЦР на ноябрь 1944 г. в Германии находилось не менее 60 тысяч белорусов бывших польских военнопленных, из которых около 30 тысяч были способны служить в вышеупомянутом белорусском формировании. В действительности в Германии и оккупированных ею государствах количество белорусов среди бывших польских военнопленных не превышало 30 тысяч чел. Неизвестно сколько из них изъявили бы желание добровольно поступить на службу в вооруженные формирования БЦР, однако действительно имеются случаи, когда бывшие польские военнопленные обращались к председателю Главного управления военных дел БЦР с заявлениями о зачислении их в белорусскую армию. Основным мотивом своего поступка выступали тяжелые материальные условия, во время работы на немецких предприятиях и, особенно, у частных землевладельцев, которые враждебно относились к белорусским работникам²⁶.

Следует отметить, что преимущественное большинство польских военнопленных белорусского происхождения не сотрудничала с немецкими властями в области создания вооруженных антисоветских формирований. Кроме того, некоторые пленные даже не знали о существовании белорусской эмиграции в Германии. Особенно это касается белорусов католического вероисповедания и представителей офицерского состава, которые традиционно относили себя к полякам. Так, среди наиболее известных белорусов из этой категории является узник офлага ПС Иосиф Воробей, которому в 1964 г. на эмиграции было присвоено звание генерала Войска Польского. Как известно, в Польше с 1936 г. приём в офицерские военные учреждения национальных меньшинств был запрещен, что вынуждало многих белорусов прятать свою национальность. Не удивительно, что за весь период регистрации польских военнопленных среди офицеров только 43 называли себя по национальности белорусами. Это касается узников следующих

офлагов: ПА — 1 чел., ПЕ — 6, ПД — 13, ПИА — 2, VID — 8, ХА — 7, ХПА — 1, XVIIIВ — 5²⁷.

Свыше 10 тысяч уроженцев Беларуси в годы Второй мировой войны сражалось с немецкими войсками в рядах Польских вооруженных сил на западе (ПВСЗ), которые находились в оперативном подчинении британской армии. Однако невозможно установить даже приблизительного количества военнослужащих ПВСЗ белорусского происхождения, которые во время боевых действий попали в германский плен. Эти солдаты содержались в лагерях военнопленных вместе с британскими солдатами, не выделяясь в отдельную национальную группу. Однако известны, по меньшей мере, фамилии двух белорусов из ПВСЗ, которые во время битвы за возвышенность Кассино (Италия) в мае 1944 г. попали в немецкий плен. Среди них был уроженец бывшего Свентянского уезда Валерьян Стручко, который 12 мая 1944 г. был взят в плен немецкими солдатами. Освобожден 8 мая 1945 г. из шталага IVB. В 1947 г. в качестве репатрианта вернулся в Беларусь²⁸.

Судьба белорусов польских военнослужащих в германском плену сложилась по-разному. Определенной части белорусов удалось вернуться на родину ещё на протяжении 1942—1943 гг. Несколько тысяч военнопленных, которые после освобождения работали на немецких предприятиях в западной части Германии, были в 1944—1945 гг. освобождены войсками западных союзников, после чего, они были призваны в польские вооруженные силы, которые находились под оперативным командованием британских войск. В этом случае они успели до капитуляции Германии принять участие в боевых действиях на западном фронте против немецкой армии. После окончания Второй мировой войны большинство этих людей осталось в эмиграции, а некоторые пожелали вернуться на родину²⁹.

Несмотря на то, что некоторые бывшие польские военнослужащие белорусского происхождения вернулись на родину еще в 1940—1943 гг., большинство белорусов, как польские военнопленные были освобождены войсками западных союзников и Красной Армией только в 1945 г., после чего они в качестве репатриантов вернулись в Беларусь. Часть освобож-

денных военнослужащих вступила или была мобилизована в ПВСЗ и Красную Армию, в составе которых они участвовали в боях против немецких войск в марте—мае 1945 г. Среди них был уроженец Мядельского района Василий Дунец, который летом 1944 г. вступил во 2-й Польский корпус под командованием ген. Владислава Андерса, в составе которого принимал участие в боях на территории Италии и был ранен³⁰.

К сожалению, невозможно определить точное количество белорусов среди умерших и погибших во время нахождения в германском плену. Имеются сведения относительно только нескольких таких случаев. Например, белорус Болеслав Кожан содержался в шталаге IA, откуда вероятно был освобожден. Трагически погиб 9 января 1941 г. в г. Инстербург (сейчас г. Черняховск) во время работы на железнодорожной станции³¹. Также неизвестно цифра белорусов среди польских военнослужащих, принимавших участие в движении сопротивления в лагерях военнопленных.

- 1 Polski Czyn Zbrojny w Drugiej wojnie światowej. Londyn, 1951. T. 1. S. 113.
- 2 Wojsko Polskie w II wojnie światowej. Warszawa, 1994. S. 25.
- 3 Archiwum Centralnego Muzeum Jeńców Wojennych w Łambinowicach-Opolu (ACJW). FASt. St. IA-Of. XVIII B.
- 4 Madajczyk Cz. Dramat katyński. Warszawa, 1989. S. 129.
- 5 Kisielewicz Danuta, Sznotala Krzysztof. Żołnierze Wojska Polskiego wywodzący się z mniejszości narodowych w niewoli niemieckiej (1939—1945) // Łambinowicki Rocznik Muzealny. 2000. Nr. 23. C. 100.
- 6 Madajczyk Cz. ... C. 100.
- 7 Toczewski Andrzej. Wymiana polskich jeńców wojennych pomiędzy ZSRR i Rzeszą w okresie II wojny światowej // Łambinowicki Rocznik Muzealny. 1995. Nr. 15. C. 11.
- 8 Там же, С. 13.
- 9 Архив автора.
- 10 Archiwum Polskiego Czerwonego Krzyża. Zespół 5787.

- 11 Lietz Zygmunt. Obozy jenieckie w Prusach Wschodnich. 1939—1940. Warszawa, 1982. С. 80
- 12 АСМЖВ. FАSt. St. IА.
- 13 АСМЖВ. FАSt. St. XXА.
- 14 Archiwum Polskiego Czerwonego Krzyża. Zespół 5787.
- 15 АСМЖВ. FАSt. КР. 4b.
- 16 Брыль Я. Вячэрняе: Лірычныя запісы і мініяцюры. Мн., 1994. С. 119.
- 17 Tomiczek Henryk. Życie religijne żołnierzy polskich w niewoli niemieckiej 1939—1945 // Wojskowy Przegląd Historyczny. 1993. Nr. 3. С. 13.
- 18 Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ), ф. 908, оп. 1, д. 3, л. 34.
- 19 Соловьев А. К. Белорусская центральная рада: Создание. Деятельность. Крах. Мн., 1996. С. 102.
- 20 Раница. Берлін, 1940. 15 студз.
- 21 Там же.
- 22 Соловьев А. К. ... С. 99.
- 23 Archiwum Polskiego Czerwonego Krzyża. Zespół 58.
- 24 Белорусская библиотека им. Ф. Скорины. Фонд рукописей. Отчет командира лямдорфской парашютной школы А. Качана от 25 января 1945 г.
- 25 Центральный архив КГБ Республики Беларусь, д. 16652, т. 2.
- 26 НАРБ, ф. 3483, оп. 1, д. 5, л. 61.
- 27 АСМЖВ. FАSt. Of. ПД.
- 28 Spod Monte Cassino na Sybir. Deportacja byłych żołnierzy Polskich Sił Zbrojnych na Zachodzie z Białorusi, Litwy i Ukrainy w roku 1951. Warszawa, 1998. S. 196.
- 29 Центральный архив КГБ Республики Беларусь, д. 32722, л. 3.
- 30 Центральный архив КГБ Республики Беларусь, д. 49630.
- 31 Archiwum Polskiego Czerwonego Krzyża. Zespół 68433.